

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пружинин Б.И. Фундаментальная наука и прикладное исследование // Наука в культуре. — М.: Эдиториал УРСС, 1998. — С. 169–184.
2. Трубников Н.Н. Кризис европейского научного разума. Философия науки и философия жизни // Наука в культуре. — М.: Эдиториал УРСС, 1998. — С. 143–170.
3. На пути к новой рациональности. Методология науки. Вып. IV. — Томск: Изд-во ТГУ, 2000. — 180 с.
4. Автономова Н.С. Рациональность: наука, философия, жизнь // Рациональность как предмет философского исследования. — М.: ИНФРАН, 1995. — С. 56–90.
5. Дзикики А. Творчество в науке. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 237 с.
6. Мамчур Е.А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания. — М.: Наука, 1987. — 125 с.
7. Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. — М.: РОССПЭН, 1999. — 312 с.

УДК 165

ЛОГИКА СОБЫТИЯ И МЕТАФИЗИКА БЫТИЯ: ФЕНОМЕНАЛЬНЫЕ РАКУРСЫ И КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ КООРДИНАТЫ

В.Г. Ланкин

Томский государственный педагогический университет
Тел.: (382-2)-52-17-68

Анализируются методологические возможности и особенности категориальной логики события в контексте современного этапа развития научных теорий.

Философия не есть мудрость, но только стремление к ней. Поэтому от философии не надо ждать презентации знания (хотя и такие функции ей приходилось исполнять до того, как взошла заря науки); она должна внимательно заниматься именно устремленностью к знанию, в результате которой это знание устанавливается. Ракурсы этой устремленности — категории философии, с помощью которых сознание идентифицирует мир. Философская работа — это работа по настройке оптики, при помощи которой мы видим; это работа по прояснению языка, при помощи которого мы мыслим. Однако, пользуясь определенной оптикой видения и языком артикуляции, мысль может натолкнуться на такие уголки мира, которые недостаточно хорошо видимы и не вполне поддаются описанию. Тогда представляемое знание начинает требовать обновления оптики и языка этого представления. Тогда требуется "перустановка" логики, с помощью которой мы полагаем мир и излагаем свою мысль о нем. Логика мира, как она видится с позиций существенной современной проблематики, — это не метафизика бытия, а феноменология события. Это феноменология события, в котором устанавливается бытие. Подобно тому, как *метафизика бытия* выступила в свое время в качестве совершенно нового логического пространства, в координатах которого удалось перекодировать горизонты мифа как *жизни богов, феноменология события* предлагает перекодировать в координатах своего пространства мир *бытия*.

Этот современный поворот не менее значителен, чем тот, который познание пережило на заре складывания рациональной дискурсивности, пролагавшейся среди руин мифологического "дома

бытия". И поэтому этот поворот не может произойти сразу; он состоит из ряда поэтапных изломов философской интуиции, в линии которых — феноменология и диалектика Гегеля, трансцендентальная феноменология Гуссерля, экзистенциализм и герменевтика Хайдеггера, отчасти структурализм и постструктурализм XX века. Феноменология события — это большая тенденция философии, которая в своем категориально-проясняющем движении пока не завершена. Задаче такого проясняющего движения посвящена и эта статья.

Прежде всего, хотелось бы разобраться в степени фундаментальности таких категорий, как *бытие, явление и смысл*, за которыми, как представляется, разворачиваются основные ракурсы европейской философии — онтологический, гносеологический и аксиологический. Для классической перспективы мировидения иерархия этих категориальных ракурсов очевидна: ракурс явления и коррелятивный ему аспект познания произведен от бытия, поскольку они выражают отношение его отображения; ракурс ценности или, шире, смысла произведен от бытия, поскольку выражают отношение субъектной (социальной, личностной) включенности в бытие. Для классически ориентированного разума ни познание не самоданно, ни ценность не самоценна — оба этих отношения координированы относительно бытия. Между тем, неабсолютность такой координации бросается в глаза в свете рассмотрения мира как событийного отношения.

Является ли бытие единственно возможной категорией философии, обладающей предельным фундаментальным статусом? "Мы стоим перед проблемой: не есть ли бытие объективация, не прев-

рашает ли оно предметы философского познания в объекты, в которых исчезает ноуменальный мир, /.../ имеет ли бытие существование?" – писал русский экзистенциалист Н.А. Бердяев, стремясь опровергнуть категорию бытия категорией существования [1]. Действительно, логика субъективного освоения реальности – смыслового подчинения реальности субъекту – изначально несет в себе яд бытийного отчуждения от живой событийной связанности субъекта и мира. Это отчуждение происходит из признания субъектом – реальным агентом события осознания – онтологического статуса за объектом, с которым смыслово самодостаточная эго-субъективность становится затем в отношении гносео-онтологической разорванности. И субъект и объективность суть бытие; но между этим и другим бытием тогда трудно навести мосты целостной связи. Можно вести разговор лишь о координации между ними, в тусклом свете которой меркнет не только самость объективного бытия, но затруднительным оказывается и постижение самости субъекта.

Онтологически-метафизическая перспектива видения мира имеет свои болезненные границы – края. И следовательно, она не абсолютна. За этими краями может проступить и кардинально иная перспектива. Ключевым в ней станет понятие *события*, фиксирующее саму складываемость бытия – его внутреннюю объемность, в противовес внешней противопоставленности объектов, берущихся в их бытийности. Но событийный план реальности нельзя мыслить как продолжение ее бытийного развертывания. Событие не сводимо к бытию, не производно от него, как это может показаться на первый легкий взгляд. Ведь и зависимо от самой своей сбываемости. Бытие производно от события. В связи с этим категориальная логика события вполне автономна. В этой логике не событие должно быть помещено во внешнее пространство бытия, где, субстанциальные агенты как-то соотносятся, ориентируются и координируются, оставаясь трансцендентными друг другу (и оказываясь трансцендентальными сами для себя), а бытие должно предстать производимым от внутреннего измерения события, где складывающаяся реальность раскрывается в имманентности ее целостного сращения. Частным случаем такого категориально-логического преобразования выступит преодоление субъект-объектной оппозиции, неизбежно довлеющей над онтологической перспективой мировидения. Если рассмотреть мир как событие, а сознание как системное событие, его охватывающее, эта оппозиция исчезает, а характерная диспозиция "мышления о чем-то", заканчивающаяся горизонтом *трансцендентности*, преодолевается перспективой "мышлением себя" ("мышлением своего"), в которой открывается грань смысловой имманентности. Имманентно-феноменальный план содержания и структурных скрепов сменяет здесь трансцендентно-онтологический (и трансцендентально-гносеологический) план субстанциально-функциональных отношений.

Вещи в такой же степени вообще являются, в какой они вообще есть. Кроме того, прежде чем быть, нечто должно с-быться – дать себя самому себе, сложиться само в себе, стать самим собой и благодаря этому перейти в бытие, в противоположность небытию иного. Вещь должна сложиться, явиться, чтобы сбываться. "Складывание" здесь отнюдь не тождественно "становлению" как некоторому промежуточному отношению бытия и небытия. Оно выражает как раз кардинально иной – внутренне феноменальный ракурс складывающегося в бытие – не прибывающего из небытия, как если бы мы увидели, что нечто *стало*, а появляющегося изнутри бытия, из связанной основы сбывающегося. Эта связанная основа сбывания – сама *структура складывания* элементов, в котором эти элементы являются друг другу как части нового целого и само целое является, таким образом, себе, образуя основу *явления* новой реальности – структурно-феноменологическую основу бытия. *Бытие*, как видим, может быть понято и как условие события, происходящего на его основе, и как результат *события*, само требуя событийно-феноменологического обоснования. Бытие как категория фундаментально первична главным образом для системы внешних определений, применимых к представленному субъектом предметному миру, к миру объектов, к миру субстанций, – оставленному "самим по себе" в его свершенности и внешней предрасположенности событиям. Именно для внешнего определения реальности важно отношение вещи к иному, в котором и утверждается ее собственное бытие. Внутреннее же определение – определение изнутри самого события реальности, свершающейся в качестве связуемости и целостности, индексирует свои содержания в категориях складываемости, структуры и явленности, феноменальности, где эти содержания постигаются как собственные качества образующейся целостности.

Для метафизически-онтологической перспективы видения мира привычно полагать, что бытие вещи предшествует самому содержательному качеству ее, что ее сущностная основа – *субстанция* – несет на себе качественные характеристики, которые ей можно предикативно приписать. Эти характеристики как бы заранее предназначаются для развертывания во внешне функциональном пространстве инобытия вещи. С позиций такой логики вещь вначале должна быть, а потом уже быть какой-либо, в том числе даже и какой-либо самой по себе. При чем само существо вещи, ее субстанциальное единство не охватывается этими качественными характеристиками и остается принципиально нефеномениализируемым остатком ее скрытой самости – внешне изолированной от мира "вещью-в-себе". Но так дело обстоит только для нас, привыкших глядеть на вещи извне – располагающих их в пространстве внешних взаимодействий. С точки же зрения на вещь как сбывающееся целое, с позиций событийного рассмотрения мира вначале образуется качество – внутренняя феноменальная

данность сторон свершающегося события; затем уже сказывается и бытие – противопоставление вещи иному (небытию). Во внутреннем измерении сбывающегося перспектива данности (феноменальности) оказывается глубже и первичнее пространства бытия, которое и разворачивается только вокруг (окрест) этих перспективных горизонтов. *Явь* мира оказывается глубже и первичнее его *сущи*.

Такое сопоставление различных категориальных перспектив мировидения оказывается сегодня не просто философски-виртуальной но и вполне прагматически уместной. Обратим, в связи с этим, внимание на ряд характерных тенденций в современном научном познании:

1. Мегатенденции – распространение теорий общенаучного значения (кибернетика, синергетика, теория систем [2, 3]), субстанциальная (онтологическая) актуализация в рамках которых становится несущественной и даже мешает разворачиванию общенаучной логики единого "мира". Дробный мир фундаментальных онтологических областей частных наук должен здесь срастись в некоторое единое поле, систему координат которого нельзя онтологически задать, не скатившись к какому-либо виду редукции.

Современный этап развития научных теорий по своему существу метатеоретичен. Здесь поднимается проблема стыкуемости теорий различного онтологического класса между собой, которая бы позволила адекватно интерпретировать вскрываемые закономерности универсального характера. Если внимательно разобраться, это проблема *со-бытийности* бытийных полей, которые сами по себе теоретически довольно хорошо опознаны, но развитие которых в дальнейшем (отчасти в связи с распространением универсально-научных исследований класса синергетики, кибернетики ...) требует не просто сопоставления карт, а создания единой карты с единой системой рекогносцировки. Преодолению субстанциальных барьеров препятствует именно онтологизм базовой интерпретации знания об объекте как некоторого рода неизменной *сущности*, для бытия которой характерны атрибутивно присваиваемые ей *законы*.

2. Развитие эргативных способов знания – технического, технологического, педагогического, практически-психологического, оперативно-экономического и т.п. – то есть способов знания, ориентирующих в сложной системной ситуации и не привязанных строго к определенной субстанциальной базе и в этом серьезно отличающихся от фундаментальной науки. Развитие таких способов знания для адекватного отображения тех субстанциально не закрепляемых ситуаций, которые в них отражаются, побуждает разворачивать именно категориальную рамку события, а не формулироваться в субстанциальных координатах бытия. К этим дисциплинам причисляют и кибернетику с синергетикой, которые, как отмечается, вышли на "инженерный

уровень исследований", где "формулируются не только теоретические обобщения и описывающие законы, но и законы предписывающие, касающиеся конструирования искусственных систем" [4. С. 116]. Здесь не требуется преодоление субстанциальных барьеров, поскольку в самой практике, которую описывают эти теории, они уже фактически постоянно переходятся. Здесь затруднение как раз противоположного характера: надо найти категоральное "заземление" теорий, необходима их фундаментализация, те или иные онтологические варианты которой мешают друг другу. Представляется, что фундаментализация такого знания оптимально возможна именно в логике события, существенно отличающейся от метафизики бытия.

3. Культурологизм современной философии, эстетики, этики как обосновываемость вскрываемой в этих базовых областях логики некоторой ситуацией, так или иначе складываемой в культуре и в этом смысле культурологически релятивной, зависящей от того типа "рациональности", которая культивируется, от "моды", которая распространяется в культурном пространстве и т.д. Культура выступает как системное событие – совместное бытие – различных способов социального бытия. Познанию культуры в таком ее качестве, несомненно, препятствует сведение ее оснований к тому или иному субстанциальному онтологическому ряду – психологическому, экономическому, антропологическому, или к ряду субъект-объектных отношений – гносеологическому, аксиологическому и т.д. В культуре событийно сходятся разные логики. Поэтому в ее рациональном освоении, по словам В.С. Библера, должно происходить "одновременное обшение всех исторически определенных форм разума, а ... смысл заключен в логике начала логики, в понимании различных логик в точке их возникновения и взаимопревращения (трансдукции)" [5. С. 4].

Гегелевская *диалектика* была первой серьезной логической попыткой преодоления субстанциализма "метафизики". Но, заметим, отображая динамику бытия, диалектическая логика все же строилась на позициях онтологизма – онтологизма *становления* (*Werden*) – то есть некоторого перехода сущности от небытия к бытию, но отображаемого в индексе нарастающего бытия (и находящегося для этого отображения одну из форм глагола быть (*Sein*)). Это позволило логически отобразить аспекты переходности, подвижности, развития, борьбы, свойственных нашему миру. В рамках такой категориальной системы (логики) мир перестал представляться устойчивой сущностью, где движение надо было (по Аристотелю) объяснять опять-таки стремлением к этой устойчивости. Видение мира, однако, сохранило отсылку к субстанции, *которая движется, которая становится*, – к подлинной субстанции мира (будь то дух или материя, воля или энергия), поскольку *становление*, как катего-

рия онтологическая, требует прежде всего указания на то бытие, которое станет, либо на то, которое подталкивало небытие к тенденции становления. *Бытие* же (как категория отглагольная) требует для себя некоего носителя, субъекта, оно не может, как *событие*, корениться в отношении. И поэтому *становление* как отношение небытия к бытию, не столько звало сущность (стабильность бытия) к отношению, сколько звало отношение к бытию, ибо само по себе отношение, как и само по себе небытие в этой логике категориально пусты. Антиметафизичность диалектических теорий, таким образом, оказалась довольно половинчатой, она никак не могла объяснить *появления*, не могла объяснить *свободы*, не могла оторваться от субстанции, которая пробивает себе дорогу в своем становлении.

Экзистенциализм, открывший "событие" (Ereignis) и переформулировавшее бытие как *существование*, вкладывая в него событийное значение, позволил говорить о свободе как разомкнутом бытии и о данности (явлении) как о присутствии, о вот-бытии (Da-sein) и как, поставе (Gestell), в лучшем случае как о "просвете бытия" и о "небытии" (Neant).

Но, заметим, он тоже остался в онтологической системе координат – в онтологии существования – и его "антиметафизичность" ограничилась критикой цивилизации с позиций свободы человеческой субъективности, которая в метафизические формы этой цивилизации не вписывается. Экзистенциализм отобразил свое открытие события как чистого отношения данности в терминах бытия. Им была объяснена *свобода*, но не было объяснено *появление*, то есть та тонкая грань возникновения, которая отделяет сущее от небытия и которая связывает (столкнывает) агентов события в самом его складывании, сбывании. Da-sein звало все-таки к сущности, которая дается в данности, Gestell – к субстанции, которая устанавливается в складывании, Neant – к бытию, которого (уже или пока) нет. Экзистенциализм показал на "свободу творчества" как на понятие негативное, столь непохожее на весь коснеющий мир, но не мог раскрыть природы творчества как складывания и возникновения нового мира, образующего, таким образом, новое бытие.

Аспект складывания нового (и следовательно, характерный аспект творчества как сотворения) не отображается в терминах бытия, равно как и в любых онтологически производных понятиях. Этот аспект схватывается лишь в ракурсе данности явления как собственной – событийной – характеристике события, выражающей как раз то измерение, которое наполняет небытийным "светом" "просвет бытия".

Передать генеральную эволюцию форм бытия нельзя в категориальном поле бытия, но только в поле события, позволяющего отображать открытое взаимодействие бытийных инстанций и индексировать его не в онтологических координатах, а в *феноменальных* и *структурных* характеристиках складывания.

Но такие характеристики в чистом виде, заметим, в целом весьма не характерны для рацио, по собственному внутреннему условию смыслообразования, полагающего мир в качестве предметной периферии вокруг своего (активного) "я", но ищущего опоры для своей активности и для своей субъективности за оболочкой предметной грани – в мире как сущей объективности. Такие характеристики, однако, кардинально характерны для эстетического типа осознания и для художественной мысли. Имманентность и открытость феноменальной структуры осознания говорит о том, что логика искусства – это логика смыслового события. Субъект смыслового события здесь кардинально разомкнут, а структура его саморефлексивности экспрессивно обнажена. Субъект-субъектный тип феноменальности качественно интерпретируется как эстетический, выступающий (по М.М.Бахтину [6]) собственно эстетическим принципом. Речь здесь идет не просто о типе феноменов, а о самом ракурсе феноменальности – о системе координат, в которой принимается именно такая данность и в которой, конечно, господствует такой тип феноменов. Но сам ракурс феноменальности, отслеживаемый нами, выходит за рамки его эстетического значения. Он отражает универсальную рефлексивно-смысловую схему осознания в его имманентной самоданности. И в этом плане он соотносим с категорией смысла вообще и со структурой смысла в частности.

Феноменология возникла как программа вскрытия имманентной стороны опыта. Но гуссерлианская феноменология была изначально и неотрывно привязана только к одному типу феноменов – к предметности, лежащей в основе рационального познания. Э. Гуссерль разрабатывал феноменологию как теоретическую логику научного познания; мы же стоим перед проблемой теоретического обоснования логики культуры, которая есть со-бытие многих форм постижения, мышления и деятельности. Причем, культура – это совокупность многообразных форм не в плане их рядоположенности и не в плане их иерархической зависимости. Культура – это совместность ряда форм постижения и смысловой (ценностной) ориентации деятельности в плане их взаимопроникнутости и взаимозависимости при складывании системы выражения и понимания смысла – то есть при культивации мысли и деятельности в самом общем плане. Культура это именно со-бытие мысли и деятельности, это субъектное со-бытие в его универсальности. Впрочем, и каждая из культурных форм мышления тогда – это не деятельность как бытие и не сознание как функция, а творческое и самоосознающее событие.

Мы выделили феноменальные и структурные характеристики событийного складывания, по своему радикально противостоящие функциональным и сущностным характеристикам мира как бытия. Событию как складыванию соответствует измерение структурности. Имманентности же сбывающейся системы, раскрываемой как событие в его

собственной качественности соответствует данность, феноменальность.

Структурность, таким образом, не равна здесь формальности, противостоящей содержанию, как она предстает в онтологической проекции. Скорее, наоборот, здесь это нечто самое *существенное* по сравнению с бытийными координатами того, что в результате события будет функционировать, действовать в мире. Структуру складывания мы индексируем как имманентность событийной системы – как собственный параметр "вещи-в-себе", который раскрывает внутреннюю перегруппировку и способ связи элементов бытия, берущихся в контексте этого события. И здесь структура – это основа самой сущности; феноменальность же выражает внутреннее качественное содержание этой, складывающейся таким образом, сущности – ее добытийную самоданность.

Феноменальность не тождественна внешней открытости, поверхности, за которой пребывает сущность. Именно феноменальность в событийной перспективе и выступает индексом имманентности содержания как результата внутренней данности, возникшей в системе благодаря ее *складыванию*. Феноменальность тесно связана со структурной характеристикой складывания, она как бы отображает эффект появления нового качества системности в результате события как сложившегося бытия. Это "сияние" (качествование) вещи-в-себе, раскрытой в "просвете бытия", ее собственное доонтологическое содержание – то содержание, которое в онтологической системе координат покрывалось понятием "сущность".

Онтологизм категориальной системы тесно связан с эмпиризмом науки и логикой индуктивного метода. (Именно здесь коренится и отсюда происходит "умножение сущностей"). Единое учение о системности событий противостоит этому, поскольку представляет инструмент уничтожения сущности. Сущность в этой системе координат – эффект складывания; субстанция – эффект положения; метафизика – эффект логики.

Целостность в себе – как позиция, скрепляющая (собой) *структурность складываемого* и *феноменальность данного* в событии – отображается в имманентно-событийном плане категорией *смысла*. С-мысл собирает в себе как с-ложенность события, так и внутреннюю ясность его (данности) для себя, понимаемую как феноменальность. В пределе своем эта внутренняя ясность – полнота данности события себе – характерна для события осознания. Но характеристика смысла подходит и к любому другому событию, взятому в аспекте его внутренней самоданности (самореферентности), позволяющей уподобить его саморефлексивности сознания. Структурно-феноменальная самореферентность события – неотъемлемая черта его как системы-в-себе. Вещь-в-себе есть одновременно и вещь для себя – именно такой она выступает в событийно-смысловом измерении.

Структурно-феноменологический подход, выражающий логику события серьезным образом меняет соотношение между традиционно выделяемыми в философии гносеологическим, онтологическим и аксиологическим аспектами. Правильнее сказать, он даже в существенных моментах отменяет эти разграничения, заменяя их другими категориальными подразделениями. Вместо онтологического, гносеологического и аксиологического полей, полагаемых в основу исчерпывающей философской систематизации, теперь выступают – структурное, феноменальное и смысловое поля, предстающие в гораздо более тесном единстве и претендующие на более глубокий базовый объясняющий статус по сравнению с выше названными. Вносится изменение и в постановку основного вопроса философии: категорийное сопоставления (и противопоставления) бытия и сознания сменяется на аспект их категорийного объединения в логике свершающегося события.

В освоении логики события меняются не только категориальные ракурсы, но отчасти и сами базовые координаты разума как способа смыслообразования – (эпохально) меняется парадигма рациональности. В этом феномене современного философского усилия разум нацеливается на пути выхода за пределы себя – к метарациональному опыту осознания. Разум стремится, в частности, освоить феноменально-смысловые возможности других модальностей мышления – стремится выйти за рамки себя как трансцендентально заданного бытия и проявиться в качестве (имманентного) события осознания.

Движение философского разума к логике события предполагает структурно-феноменальную категориальную редукцию гносео-онтологических смысловых конструкций. Оно предполагает метод переартикуляции привычного дискурса, выводящей разум к новым горизонтам опыта – к широким событийно-смысловым горизонтам опыта культуры. Применяемый в работах автора [7, 8] структурно-феноменологический подход представляет собой попытку развертывания такого метода в освоении логики события, позволяющего рационально схватывать и артикулировать многообразный по своей феноменально-смысловой сложности опыт культуры. Структурно-феноменологический подход, задающий координаты логики события, отображает, как мы пытались показать в этой статье, новый феноменальный ракурс – новый категориальный поворот концептуального видения, столь же, как кажется, радикальный, как и поворот, приведший к формированию понятия онтолого-метафизического типа, сменившего в свое время мифологическое употребление понятия-имени. Впрочем, такой поворот не упраздняет предшествующих линий постижения, организовавших мир человеческих понятий. Все эти линии связываются теперь в единое пространство, обретающее новое измерение открытого события осознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. — М.: Логос, 1997. — 545 с.
2. Ласло Э. Основания трансдисциплинарной единой теории // Вопросы философии. — 1997. — № 3. — С. 27–34.
3. Крушанов А.А. Megascience: новые рубежи наукогенеза // Современная картина мира. Формирование новой парадигмы. — Вып. 2. — М.: Наука, 2001. — С. 23–69.
4. Богатырева О.А. Возможности и ограничения синергетического подхода к изучению социальности как системного явления

- // Современная картина мира. Формирование новой парадигмы. — Вып. 2. — М.: Наука, 2001. — С. 116–133.
5. Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры. — М.: Прогресс, 1991. — 413 с.
 6. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Наука, 1986. — С. 9–191.
 7. Ланкин В.Г. Типы понимания в культуре и логика их эволюции. — Новосибирск: НГУ, 2000. — 43 с.
 8. Ланкин В.Г. Горизонты смысла в культуре. — Бийск: НИЦ БПГУ, 2001. — 204 с.

УДК 373.5

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗНОУРОВНЕВОЙ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ СЛУШАТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ ШКОЛЫ ЦЕНТРА ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ ТПУ

Е.И. Сладков, С.И. Кузнецов

Томский политехнический университет
E-mail: serkuz@mail2000.ru

Организация дифференцированной разноуровневой довузовской подготовки — одно из важнейших направлений совершенствования учебной деятельности, способствующее повышению продуктивности учебного процесса, позволяющее обеспечить высокое качество знаний слушателей — будущих абитуриентов ТПУ.

Использование разноуровневой подготовки с целью индивидуализации и дифференциации учебного процесса рассмотрено в качестве одного из вариантов деятельности Естественнонаучной школы Центра довузовской подготовки Томского политехнического университета.

Любой образовательный проект может быть реализован успешно лишь при наличии необходимой научно-методической и материально-технической базы. Естественнонаучная школа (ЕНШ), развивающая свою концепцию довузовской подготовки школьников, имеет все необходимые средства для достижения образовательных целей.

Деятельность Естественнонаучной школы опирается на многолетние традиции отделения фундаментального образования, на базе которого и возникли факультет естественных наук и математики и Естественнонаучная школа. Здесь решается целый ряд важнейших задач довузовской подготовки слушателей и позволяет им:

- без отрыва от основного места учебы углублять и совершенствовать свои знания по физике, математике, химии, русскому языку и литературе;
- пользоваться аудиторным фондом факультета, методическими, компьютерными разработками, лабораторной базой ТПУ;
- иметь в качестве учителей и наставников профессорско-преподавательский состав университета, специалистов ЕНМФ с большим педагогическим опытом;
- выполнять учебные задания на лабораторной

базе университета, дополнять теоретические знания наблюдениями и выводами, полученными на расширенных практикумах по химии, физике;

- активно готовиться к ежегодным Региональным межвузовским олимпиадам по предметам, включенным в учебный план ЕНШ, использовать результаты творческих соревнований на олимпиадах для поступления на все факультеты технического профиля ТПУ;
- учитывать опыт довузовской подготовки и вступительных испытаний абитуриентов, знакомиться с образцами контрольно-испытательных материалов прошлых лет;
- пользоваться специально разрабатываемыми Центром довузовской подготовки комплектами контрольно-тренировочных заданий, в которых преломлены требования Единых государственных экзаменов и иных испытательных материалов;
- пройти курс профориентации на технические направления и специальности ТПУ;
- использовать полученные в ЕНШ знания для поступления в другие вузы страны, если перечень специальностей и направлений ТПУ не соответствует профессиональному выбору слушателя.